

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Н.А. РУБАКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ, СОЗДАТЕЛЬ БИБЛИОПСИХОЛОГИИ*

© 2000 г. В. А. Кольцова

Канд. психол. наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии ИП РАН

В статье рассмотрено творчество известного русского ученого, общественного деятеля, просветителя, основателя библиопсихологии, Н.А. Рубакина. Главной фигурой и центральным предметом исследований Рубакина являлся читатель, человек, осваивающий духовные ценности культуры через книгу, в процессе чтения. Рубакин апеллирует к индивидуальному миру человека, особенностям его восприятия, тем личностным смыслам, которые формируются у него при усвоении системы значений.

Ключевые слова: библиопсихология, психология чтения, психология читателя и автора, психология книжного дела.

Отмечая юбилей “Психологического журнала”, целесообразно обратиться к наследию тех ученых и общественных деятелей, которые своими усилиями, неиссякаемой энергией, огромной и плодотворной теоретической и практической работой готовили почву для становления книжно-издательского дела в нашей стране, способствовали формированию книжной культуры и читательских интересов населения, внесли весомый вклад в развитие просвещения и образования народа. К числу выдающихся русских просветителей XIX–XX вв., без сомнения, относится Николай Александрович Рубакин (1862–1946 гг.).

Выдающийся библиограф, ученый-библиотековед, организатор библиотечного дела в России, создатель специального нового направления психологической науки – библиопсихологии, исследователь психологии чтения и читателя, публицист и писатель, издатель и редактор, видный общественный деятель в области народного образования – вот далеко не полный перечень аспектов творческого наследия этой многогранной личности, энциклопедически образованного человека, истинного патриота своего народа и русской культуры.

Являясь оригинальным мыслителем, самобытным ученым, Рубакин посвятил всю свою жизнь работе на просветительской ниве, развитию русской культуры, популяризации знаний. Ярким выражением указанной жизненной ориентации служила безвозмездная передача им в дар России двух своих библиотек (в общей сложности более 200 тысяч томов), составивших основу крупнейших библиотечных фондов нашей страны.

Будучи убежденным демократом, подлинным русским интеллигентом, Рубакин был глубоко

уверен в том, что духовные блага и ценности не могут выступать достоянием только просвещенной части общества; они должны принадлежать всему народу. И именно эта идея становится путеводной звездой его жизни; ее практической реализации он отдает все свои силы, подчиняет всю свою общественную и научную деятельность.

Рубакин был сторонником рационалистического начала в духовном развитии и совершенствовании человека, связывая его, в первую очередь, с утверждением идей разума и научного мировоззрения. Главным источником распространения знаний он справедливо рассматривал книгу и делал очень много для ее пропаганды и популяризации. Соответственно, задачи просвещения впервые в русской просветительской традиции были сформулированы им как задачи самообразования человека посредством приобщения его к книжной культуре, формирования потребности в чтении, развития навыков работы с текстом. И реализуя поставленные задачи, Рубакин наряду с исследованием теоретических проблем самообразования разворачивает большую и серьезную работу по превращению самообразования в целенаправленный, управляемый процесс. Он и его последователи разрабатывают многочисленные программы самообразовательного чтения; выходят специальные библиографические справочники и пособия, ориентирующие читателя в мире книг, помогающие ему самостоятельно осваивать знание; создаются консультационные пункты для любителей книги. Указанные общественно-просветительские начинания представлены в ряде работ Рубакина: “Письма к читателям о самообразовании”, “Практика самообразования”, “Программы чтения для самообразования. 1895–1905”, “О сбережении сил и времени в деле самообразования” и др. и, конечно же, в главном его библиографическом труде –

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 98-06-08082).

“самоучителе читателя” – “Среди книг” (1906 г.). Всего за период 1886–1917 гг. им было опубликовано 19 книг, 350 статей (в том числе 15 руководств по самообразованию); после 1917 г., уже живя за границей, он издает еще 5 книг на русском языке. Его труды, написанные в популярной, доступной простым людям форме, были широко известны в России, пользовались огромным спросом, выходили в дореволюционный период огромными тиражами.

Ратуя за духовное развитие и просвещение русского народа, Н.А. Рубакин не мог оставаться безучастным к его бедственному социально-экономическому положению, что побудило ученого включиться в освободительную борьбу. Спасаясь от репрессий за свою революционную деятельность, он вынужден был в 1907 г. эмигрировать за рубеж, в Швейцарию, где и остается до последних лет своей жизни. Но это не прерывает связей Рубакина с русской культурой, его плодотворной просветительской деятельности. В Лозанне он создает Международный институт библиопсихологии – уникальный, не знавший аналогов в мировой культуре центр пропаганды и научного изучения книги.

Решение задач самообразования путем освоения книжного знания логично подвело ученого к постановке проблемы психологии чтения и читателя, ставшей основой разработанной им дисциплины – библиопсихологии. Первая его работа в этой области появляется еще в 10-е гг. XX в. – это “Психология книжного влияния”. Позже выходят другие труды, в которых освещаются основополагающие принципы и идеи библиопсихологии: “Что такое библиологическая психология” (1924 г.); “Introduction a la psychologie bibliologique” (1922 г.); “Библиологическая психология как теория и практика книжного дела” (1928 г.); “Психология читателя и книги” (1929 г.). Знание психологии читателя, согласно концепции Рубакина, выступает в качестве важнейшего условия, предпосылки реализации принципа индивидуализации в “читательской деятельности”, позволяя состыковать интересы и запросы человека и читаемые им книги, сделать так, чтобы, по словам автора, читателю попали нужные ему книги – “книги его типа”. Идеи Рубакина, особенно его основной труд – “Психология читателя и книги” – вызвали огромный интерес и, одновременно, шквал критики, обвинений в теоретической непоследовательности, эклектизме. Воспринимаемые как справедливые с позиций методологии, существовавшей в нашей стране до 90-х гг. нашего столетия, сегодня, в контексте утверждающихся в нашем сознании и научном мировоззрении плюралистических тенденций и гуманистических ценностей, эти упреки уже не выглядят столь однозначно и требуют переосмысления. Несмотря на отсутствие теоретической строгости подходов и положений развиваемого Рубакиным учения, дискуссии

и спорность ряда выдвигаемых им идей, представляются абсолютно безусловными и заслуживающими самой высокой оценки вклад ученого в разработку нового направления психологии – психологии чтения и читателя, его титаническая подвижническая просветительская деятельность, та огромная роль, которую он сыграл в развитии русской культуры, в духовной жизни нашего народа. Бесспорна также особая актуальность его работ для современной России, где на фоне неблагоприятных тенденций в культурной жизни общества огромное значение приобретают проблемы духовного возрождения народа, а в контексте ослабления образовательно-просветительских функций и роли государства возрастает соответственно вес самообразовательных процессов, самостоятельного освоения культурных ценностей как важнейшего условия и предпосылки развития и самосовершенствования личности.

* * *

Библиопсихология определяется в настоящее время как «область научно-исследовательской деятельности, предметом которой является психологический аспект взаимоотношений в системе “общество–автор–произведение”» [5, с. 26]. Впервые само это понятие было введено в науку в 20-е гг. Н.А. Рубакиным; им же дано всестороннее обоснование библиопсихологии как научно-практической сферы, раздела психологического знания. Официально статус научной дисциплины библиологическая психология получила в 1916 г. после открытия в Женевском институте Ж.-Ж. Руссо секции библиопсихологии, хотя корни ее уходят в далекое прошлое и связаны со всей историей развития гуманитарных тенденций и просветительской деятельности в мировой культуре. Возникновение библиопсихологии как науки было подготовлено и исторически, так и логически. В ее становлении как сложной комплексной синтетической области знания большую роль сыграли разные науки – философия, литературоведение, эстетика, социология, лингвистика, психология. И заслуга Рубакина состоит в том, что, опираясь на широкий общенаучный фундамент, он сумел объединить разные области знания, теории и концепции в рамках создаваемой им самостоятельной комплексной науки о психологии чтения и – шире – о психологии книжного дела вообще. Нам представляется, что именно убежденность в синтетическом характере психологии книжного дела и последовательная ориентация на реализацию принципов комплексного подхода в его изучении путем часто не критического использования разных теорий, концепций без их должного соотнесения и сопоставления друг с другом, в значительной мере обусловили эклектизм взглядов Рубакина.

Поскольку Рубакин выступал в качестве первопроходца, первооткрывателя психологии книжного дела как научной дисциплины, для нас большой интерес представляет содержащееся в его трудах обоснование специфики проблемной области библиопсихологии, тщательная проработка ее методолого-теоретических оснований – предмета, междисциплинарных связей, исходных теоретических позиций и методов исследования. Под библиопсихологией он понимал психологию книжного дела, подчеркивая, что данная область исследования значительно шире, чем психология “читательства” или психология “авторства”, которые входят в ее состав в качестве отдельных структурных частей. Тем более неверно, по его мнению, сводить библиопсихологию к изучению читательских интересов, к психологии чтения, что означает существенное сужение ее проблемного поля.

Рубакин, с одной стороны, рассматривал книжное дело как сложную комплексную научно-практическую сферу, как **трудовой процесс**, включающий все стадии производства, распространения, циркуляции и потребления книжной продукции в обществе; указывал на необходимость учета и анализа его социального аспекта, ибо в своей практической реализации процесс производства и потребления книжной продукции непосредственно обуславливается особенностями социальной среды, конкретными историческими условиями. С другой стороны, библиопсихология определялась им как область, занимающаяся разработкой прежде всего психологической и социально-психологической составляющей книжного дела: “Для библиопсихолога экономический и всякий другой интерес к книге и книжному делу – это значит психология этих интересов. Изучая роль экономического фактора в книжном деле, библиопсихолог старается выяснить влияние его на психику его работников как социальную, так и индивидуальную, и обратно. Таким образом, и наука о книжном деле является для библиопсихолога психологией книжного дела и всех его отраслей в их взаимном влиянии, в их функциональной зависимости” [2, с. 16–17].

Рубакин подчеркивает, что в книге фиксируется, отпечатывается психология работника и особенности его труда (деятельности), что, по его мнению, позволяет говорить о “психических свойствах продукта и результата”, о том, что “у каждого явления книжного дела получается свой психический коррелят” [там же, с. 24]. С этой точки зрения, вполне логично определение библиопсихологии как одной из отраслей психологической науки.

Представляют интерес взгляды Рубакина относительно теоретико-методологических оснований и принципов исследования проблем библио-

психологии. Опираясь на свой собственный практический опыт, современные ему достижения в области психологии и смежных с ней наук – нейрофизиологии, языкознания, социологии – Рубакин в качестве конкретных теоретических оснований изучения библиопсихологических явлений использует: концепцию немецкого зоолога Р. Семона о мнеме (указывая на ее близость и сходство с теорией условных рефлексов И. Павлова и взглядами других представителей поведенчества); идеи В. Гумбольдта и А. Поттебни, касающиеся природы речевого воздействия; взгляды И. Тэна о характере функциональных связей мнемических процессов с разными факторами, как внутренними, так и внешними.

Опираясь на учение Семона о мнеме как точной памяти, он формулирует первый основной закон библиопсихологии, фиксирующий динамику мнемических и мыслительных процессов: раздражения, воздействующие на организм, образуют в нем связанный симультанный комплекс возбуждений, который запечатлевается (энграфируется) в виде следов, энграмм, оживляющихся (экфоризирующихся), в свою очередь, определенным образом при повторном раздражении. Соответственно, библиопсихология должна изучать воздействующие на организм словесные раздражители; оставляемые ими следы; сохранение следов и изменения, производимые ими в мнеме; оживление следов и их влияние на поведение. Следует отметить, что мнема понимается Рубакиным (вслед за Семоном) чрезвычайно широко, охватывая, по существу, все мышление в целом; причем, как справедливо отмечает Ю.А. Сорокин, “процессы мышления трактуются недифференцированно: не выделяются те аспекты деятельности головного мозга, которые в свете современных знаний объясняются генетической информацией” [4, с. 8]. Из этого закона Рубакин выводит понятие о проекции слов, утверждая, что человеку (читателю) могут быть известны исключительно только его собственные проекции чужих слов, а отнюдь не то содержание, которое вкладывается в них автором. “Сколько у книги читателей, столько у нее и содержаний”, – утверждает Рубакин [2, с. 59].

Развитие данной идеи представлено во втором законе библиопсихологии, который выводится из представлений В. Гумбольдта и А. Поттебни и определяется следующим образом: “Слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме” [там же, с. 61]. Тем самым утверждается, что содержание книги, человеческая речь вообще и все ее элементы не передаются непосредственно читателю в готовом виде, а воссоздаются последним из элементов собственных мнем, оживающих под влиянием речи-раздражителя: “Всякий читатель и слушатель всегда видит перед со-

бою только свою собственную проекцию чужой речи. Не иначе, как проекцию. Содержание, вложенное в эту речь автором или оратором, – недопустимый предел его проекции” [там же]. Тем самым делается важный вывод о различиях и многочисленных вариациях индивидуальных мнем.

Третий закон библиопсихологии основывается на концепции И. Тэна и направлен на выявление и анализ источников получения следов (энграмм) памяти, а, соответственно, и характера, и особенностей ее функционирования – факторов наследственности (“расы”); социальной среды или коллективного опыта человечества; личностных особенностей и индивидуального опыта человека. Соответственно подчеркивается тройственность мнемы, состоящей из мнемы наследственной, социальной и индивидуальной. Отсюда вытекает принципиально важное заключение: то, насколько читатель понимает автора, слушатель – говорящего, зависит от схожести составов их мнем.

Рассмотренные выше взгляды Рубакина приводят к выявлению двух противоположных тенденций: с одной стороны, это четко проявляющаяся при разработке нового направления психологии интенция к выявлению исходных точек – строгих теоретико-методологических оснований, – что соответствует требованиям и нормам научности; с другой стороны, столь же ярко выступающее стремление к охвату многих различных подходов при отсутствии достаточно глубокого обоснования их научной состоятельности в качестве базисных оснований библиопсихологии, их внутреннего соотношения и иерархического соподчинения, и естественным образом вытекающее отсюда недифференцированное, нестрогое применение их основных положений. Говоря о самых разных проблемах и аспектах речевого воздействия (воздействия на человека книжной продукции) и справедливо выделяя сами по себе важные аспекты – внутренняя динамика психических процессов, активность воспринимающего информацию субъекта, его наследственные и индивидуально-личностные особенности, факторы среды – Рубакин в то же время рассматривает их как рядоположенные, не вскрывает их системной организации в рамках единого целого – “человек в его взаимодействии с социальной действительностью, с миром культуры”.

Наряду с развитием теории библиопсихологии Рубакин разрабатывает и методические основания новой науки. При этом он являлся сторонником строго объективного изучения явлений библиопсихологии, которая, с его точки зрения, должна строиться по моделям “точного знания”: “Идеалом библиопсихологии должно стать точное знание настолько объективное, насколько объективность суждений доступна человеку. От-

сюда следует, что одной из важнейших задач библиопсихологической методологии является борьба с субъективностью суждений во всех областях книжного дела” [там же, с. 85]. В связи с этим им критически оцениваются возможности субъективно-интроспективного подхода, и в качестве исходного основания используются принципы объективной психологии, изучающей внешние показатели психических явлений. И это вполне объяснимо, ибо 20-е гг. и в мировой, и в отечественной психологии проходили под флагом утверждения идей поведенчества. Поэтому и для Рубакина выражением научности в это время выступали работы В. Бехтерева, К. Корнилова, И. Павлова, Э. Клапареда, Дж. Уотсона. С этой точки зрения, книги, литература рассматриваются им как “возбудители реакций”, “реактивы на исследуемого индивида и коллективы”, а предметом библиопсихологии является поведение всех участников книжного дела [там же, с. 17]. Библиопсихология, по мнению Рубакина, должна стремиться к максимальной объективности и беспристрастности своих научных результатов, положений и выводов, возможно полно контролировать субъективную составляющую изучаемых процессов.

В то же время подчеркивается важность использования данных “подконтрольной интроспекции”, анализа субъективных переживаний читателей и авторов: “Выбросить интимную сторону процесса, наиболее ценную для субъекта, это то же, что забыть человека – мыслящую, чувствующую и страдающую личность человеческую...” [там же, с. 89–90]. Исследование субъективных проявлений человека рассматривается как необходимое условие организации эффективной работы с книгой: “...интимные переживания как читателей, так и авторов представляют первостепенный интерес для работника книжного дела: от качеств и количеств этих переживаний зависит и цель, и постановка всей работы” [там же, с. 19–20]. В связи с этим делается вывод о том, что следует не отбрасывать читательские мнения и показания, а “считаться и сообразоваться” с ними, ставя их одновременно под строгий контроль объективных наблюдений. Нам представляется, что в определении своих методических подходов Рубакин сумел сохранить взвешенную позицию, избежав как крайних проявлений поведенческих тенденций, так и однозначных субъективно-интроспективных ориентаций.

Рассмотрение различных концепций и теорий как пригодных для исследования проблем библиопсихологии и ориентация на объективный анализ явлений в этой области приводит Рубакина к формулированию основных принципов библиопсихологической методологии.

1-й принцип: “прежде чем исследовать какой-либо объект книжного дела, необходимо исследовать

довать самого исследователя” – его социальную принадлежность, психологические свойства, установки, ориентации [там же, с. 87]; это позволяет сделать “поправку на исследователя” (т.е. самого себя, свои субъективные характеристики).

2-й принцип: “натуралистический (биологический или психофизический) подход к объекту исследования” (т.е. изучение книжного дела как трудового процесса) [там же, с. 88].

3-й принцип: примат объективного исследования над интроспективным.

4-й принцип касается этапов библиопсихологического исследования: “от изучения процесса чтения к изучению читателя, через изучение читателя к изучению качеств книги, независимо от свойств читателя; от такого изучения (объективного) произведений всякого автора к определению свойств автора как возбудителя различных переживаний” [там же, с. 90].

5-й принцип: “совмещение общественного и индивидуального подхода к человеку...” [там же, с. 91].

6-й принцип: “печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе. Положительные (обоюдно-притягательные) эмоции приводят к оптимуму и к максимуму обоюдного понимания, тогда как отрицательные (отталкивательные) к минимуму и к пессимуму его” [там же, с. 94].

Исходя из сформулированных принципов, Рубакин далее логически ставит следующую задачу – воссоздание процедуры и этапов исследования воздействия текста книги (или, как говорит он, книги, выступающей в качестве реактива) на психику читателя. В свою очередь книга рассматривается как совокупность “частных реактивов” – слов, фраз. Поэтому, соответственно, изучение воздействия книги возводится им к исследованию фраз и слов.

По мнению Рубакина, библиопсихология, изучающая прежде всего “возбуждающее воздействие” письменного текста, его восприятие читателем, в отличие от лингвистики “принимает за основную единицу комплекс переживаний, возбуждаемых не целую фразу, а *каждым отдельным словом ее*” [там же, с. 111].

Дальнейшее восхождение от слова к целому тексту определяет этапы его библиопсихологического изучения. В целом библиопсихологический анализ текста книги может быть представлен следующим образом:

I. Изучение каждого отдельного слова как элемента “кристаллизовавшейся” человеческой речи и вызываемой им реакции.

II. Рассмотрение “обоюдного влияния” и “обоюдной зависимости” каждого слова речи от всех других его слов.

III. Изучение самого процесса объединения, “синтезирования этих отдельных слов в ту или иную мысль, в то или иное переживание, какие зарождаются в читателе или слушателе при восприятии всей совокупности отдельных слов...” [там же, с. 112].

Раздел библиопсихологии, занимающийся изучением восприятия отдельных слов вне их связи с другими словами и вне контекста, а также их действий в качестве раздражителей-возбудителей, называется Рубакиным вербальной библиопсихологией (от латинского *verbum* – слово), что отличается от современного определения понятия “вербальная речь” по объему, широте исследуемого явления. Ее цель – выявление соотношения отдельных слов с реальностями внутреннего и внешнего мира, обозначаемого этими словами; проверка точности отдельных научных терминов. Она, по мнению Рубакина, “должна учить нас и говорить, и писать только такими словами, которые в максимальной степени соответствуют реальности, первоначальным энграммам, так, чтобы одного намека было достаточно для читателя или слушателя, чтобы он тотчас же смог перевести воспринятое слово с языка чужой психики на язык его собственный” [там же, с. 114]. При этом под смыслом слова понимается совокупность переживаний, порождаемых им у читателя. У каждого читателя возникает свой собственный субъективный смысл слова. “Средний смысл” слов, появляющихся в процессе взаимодействия индивидов и среды – их “содержание”, “значение”. (С позиций поведенчества Рубакин оценивает их как средний уровень возбуждения, возникающего под влиянием слова-раздражителя в мнеме субъекта.) Значение слов рассматривается как привычное для индивидов эталонное содержание, которое, в то же время не является застывшим, неизменным. На уровне конкретного человека значения, как субъективные эталоны для собственного употребления, постоянно преобразуются в смыслы, и эта динамика разворачивания языковых форм в поле сознания человека, по Рубакину, и представляет собой внутреннюю историю языка: “...эталон... действительно не представляют собой величины постоянной, а являются функцией мнемы, которая постоянно изменяется. Значит восприятие каждого последующего слова обусловлено качественной и количественной стороной экфории каждого слова предыдущего. На такой зыбкой и изменчивой почве и продвигается наша мысль в процессе чтения” [там же, с. 119]. В этих идеях обращает на себя внимание ряд положений: во-первых, сам факт разведения, дифференциации понятий “значение слова” и “смысл слова”; во-вторых, связывание значения слова, с

одной стороны, с некоей средней для человека нормой (а, значит, общей и для других людей) как эталона, с другой, его выведение исключительно из психического мира человека и тем самым недооценка его социального содержания; в-третьих, фиксация сложных динамических взаимоотношений значения и смысла.

Переходный статус между словом и фразой занимают так называемые “сложные слова”, составленные из нескольких простых (в качестве примера Рубакин приводит такие слова, как “благородство”, “пенкоснимательство”, “сенокос” и др.). Восприятие таких сложных слов представляет собой суммарное восприятие всех его этимологических элементов, “соединившихся химически – как психические переживания, и механически – как лингвистическая форма” [там же, с. 115].

Интервербальный библиопсихологический анализ включает изучение различных связей – смысловых, функциональных – существующих между отдельными словами текста и скрепляющих последние в целые фразы. В этом контексте ставятся проблемы “интервербального узнавания” и “интервербальной интуиции”: “В процессе чтения фразы читатель моментально относит данное переживание к определенному комплексу и интуитивно узнает, в каком смысле нужно ему понимать в данном случае такое-то слово” [там же, с. 119]. В ходе дальнейшего чтения первые возникшие интуитивные идеи проверяются и уточняются – происходит “интервербальная проверка читательских узнаваний и интуиций” [там же]. На этой основе разворачивается еще один процесс понимания текста – интервербальная классификация или разделение по определенным категориям смысла слов. Представляет интерес высказанная Рубакиным мысль о наличии в процессе чтения наряду с сознательными механизмами восприятия и переработки информации также бессознательных процессов, что называется им “бессознательным или подсознательным чтением”: “Читая книги, возбуждающие низшие инстинкты, читатель сознательно, по-видимому, придавил и подавил их; но в подсознании тот же текст экфорировал и этим усилил энграммы соответствующих низших органических чувств, которые переходят в потенциальное состояние и остаются там до поры до времени. Их можно привести в состояние кинетическое не только словом, возбуждающим именно такие чувства, а напротив, – и словом *прямо противоположным...*” [там же, с. 121].

Рубакин пишет об ассоциативных процессах при восприятии слов, о роли внимания, о явлениях “интервербальной аперцепции”, направляющей внимание читателя в зависимости от его интересов, ожиданий, веры и др. компонентах подсознательной психики, об “интервербальной интерфе-

ренции”, представляющей “увеличение или уменьшение, усиление или ослабление переживаний каждого отдельного слова читаемого текста переживаниями последующих слов его” [там же, с. 124]. Психические явления, возникающие под влиянием словесных раздражителей, на последующих этапах преобразуются и выходят на суправербальный уровень, постепенно усложняясь, отрываясь от словесного базиса и превращаясь в переживания “внесловесные, надсловесные, бессловесные”: “Из отдельных единиц синтеза образуются их группы, из этих групп – опять-таки группы более высокого порядка, затем группы этих групп, и так до бесконечности. Здесь перед нами процесс самонарастания всех новых и новых этажей суправербальных библиопсихологических переживаний, логически вытекающий из теории мнемы” [там же, с. 129].

Рубакин делает вывод о разнообразии и тонкости тех психологических связей, посредством которых слова читаемого текста сливаются, образуя единое целое. Отдельные слова заменяются композициями слов, которые уже вместе воздействуют на читателя. Обращает на себя внимание апелляция при обсуждении конкретных проблем библиопсихологии к психическим явлениям, роль которых умалется Рубакиным как проявления субъективно-интроспективного подхода на уровне рассмотрения методологических оснований науки.

Особый интерес в концепции Рубакина представляет проблема построения каждым читателем своей собственной проекции чужой речи – печатной, рукописной, устной. Фактически речь идет о личностном смысле тех или иных значений слов, воспринимаемых читателем. Причем Рубакин обосновывает необходимость объективного изучения личных проекций воспринимаемой информации, предлагая использовать для этого процедуру составления личных уравнений авторов и читателей текста.

В поисках максимальной точности получаемых данных он считает возможным использование количественных показателей исследуемого процесса путем составления специальных цифровых коэффициентов. Величина этих коэффициентов рассматривается им как количественная мера читательских переживаний в данный момент времени. Далее от характеристики конкретного читателя в данный момент предлагается перейти к статистическому описанию этого читателя вообще, изучая его восприятие той же книги, но не в один, а в разные моменты его жизни. Итогом является получение средней арифметической величины коэффициентов для того или иного человека по разным категориям для некоторого промежутка времени.

Следующий этап – изучение “среднего читателя” определенной группы. Это показатель, харак-

теризующий не индивида, а социальную группу, отражающий средний (типичный) уровень всех читателей, относящихся к данной социальной общности – профессиональной, национальной, половой, возрастной и т.д. В основе его изучения – выявление библиопсихологических эталонов, или “определенной мерки сравнения”, полученной путем установления средних арифметических для каждой категории психических переживаний при проведении максимально возможного числа измерений. Это, по мнению Рубакина, позволяет не на глаз, а точно, “в виде формулы” охарактеризовать с позиций психологии читательства ту социальную общность, средний уровень которой представлен ее средним читателем. Рубакин видит задачу в выделении эталонов для разных социальных групп.

Далее следует выяснение средних коэффициентов читателя вообще (для данного периода и в разные периоды истории), что предполагает определение средней величины коэффициентов для возможно большего числа читателей разных групп и разных психических типов. Соответственно, коэффициенты отдельных читателей показывают их отклонения от среднего уровня. От изучения читателя следует логический переход к исследованию книги – через выявление “средней проекции” или среднего уровня индивидуальных проекций. Наконец, данный метод открывает возможности для характеристики разных авторов, их типологизации по тем или иным основаниям. Сопоставление классификаций читателей, книг и авторов приводит к решению следующих задач: “1) показать, из каких психических типов состоит данный коллектив – национальный, местный, классовый, профессиональный; 2) почему некоторые книги и авторы имеют, в пределах этого коллектива, и очень быструю циркуляцию, и очень сильное влияние, тогда как другие авторы и книги не имеют ни того, ни другого; 3) почему и как выдвигает какой коллектив каких авторов в качестве своих выразителей, иначе говоря, как и почему создает толпа *читающая* толпу *пишущую*, путем превращения *читателя* в *писателя*” [там же, с. 139].

Использование указанного метода, по мнению Рубакина, позволяет проникнуть в тайны сложнейших явлений, относящихся к области всемирной литературы и духовной культуры человечества, ибо эти явления рассматриваются в контексте данной методологии изнутри – со стороны их влияния в самом процессе их восприятия (слушания, чтения). “Обыкновенно о значении какого-либо писателя судят по влиянию его произведений на читающую массу, а об этом последнем – по спросу в библиотеках и книжных магазинах; но... одно ведь дело – спрос, и совсем другое дело читаемость, и опять-таки совсем другое дело самое влияние читаемой книги” [там же, с. 140]. Методы

статистики и методы наблюдения не позволяют точно определить, какое действие оказывает книга на читателей.

Так как единицей анализа в библиопсихологии выступает слово, то и метод, предлагаемый Рубакиным, включает специальную статистическую процедуру по учету и анализу психических переживаний, возникающих у читателей вследствие воздействия отдельных слов-раздражителей, содержащихся в том или ином тексте. При этом “качество переживаний” (речь идет о ассоциирующихся со словом, или вызываемых им психических явлениях) выявляется по самоотчету испытуемых, классифицирующих свои психические переживания, а количественная их сторона – экстраспективным способом. По числу и содержанию отмечаемых психических коррелятов отдельного слова можно судить о степени и характере его воздействия, о напряженности переживаний, возбуждаемых им в читателе. При этом специально подчеркивается, что в библиопсихологическом методе идет речь не о подсчете слов, а о количественном анализе “психических переживаний”, состоянии, возбуждаемых отдельными словами текста. К ним относятся: различные эмоции, органические чувства, ощущения, понятия, волевые акты, инстинкты. Все психические явления осознаются и классифицируются испытуемыми и именно осознаваемые им собственные переживания выступают единицей анализа в библиопсихологическом исследовании. При этом речь идет не только об отнесении возникающего “психического переживания” к определенному классу психических явлений (например, эмоциям), но и об их содержательном определении (например, “эмоция красоты”, “космическое чувство”, “чувство свободы”, “чувство злобы”, “чувство скуки и сожаления” и т.д.).

Рубакин приходит к выводу, что разные слова имеют “различный потенциал, – иные весьма слабый, иные очень высокий. Различны и качества потенциалов: иные из них относятся к возбуждению переживаний интеллектуальных, иные – эмоциональных, иные – волевых” [там же, с. 142]. Установлено, что при прочтении целого текста читатель отмечает те или иные слова, апеллируя не к их абсолютному влиянию на человека, а исходя из их связи с другими словами, что свидетельствует, по его мнению, об интервербальном, а не словесном характере чтения. Общий подсчет по всему тексту показывает, какие психические явления и сколько раз возникают у человека, работающего с тем или иным текстом. Таким образом, в описанной выше процедуре речь идет об исследовании не характеристик текста, а особенностей читателя этого текста. Благодаря данному методу “исследователь получает возможность очень наглядно судить не только о главнейших,

но и о детальных и очень тонких и глубоких переживаниях читателя” [там же, с. 145].

Сопоставление данных библиографического исследования, полученных при восприятии одного и того же текста разными испытуемыми, интроспективно оценивающими свои психические переживания по единой схеме их классификации, позволяет выделить и сравнить их субъективные читательские профили. Один и тот же текст может возбуждать у одних читателей больше эмоциональных явлений, у других – больше интеллектуальных, у третьих – больше волевых, т.е. каждый читатель проявляет “свою типичную особенность”. Тип читателя определяется совокупностью наиболее легко возникающих у него переживаний и их комбинаций: “Классифицировать людей по их психическим типам – это значит выяснять, какие именно переживания повторяются у них относительно часто” [там же, с. 163].

Указанный метод, по мнению Рубакина, может быть использован при изучении не только различных читателей, но и одного и того же читателя в определенные периоды его жизни, в разных обстоятельствах и при различных условиях чтения. Посредством библиопсихологической процедуры возникает возможность изучить не

только отдельного индивида, но и социальную группу.

Таким образом, заслуга Рубакина состоит в разработке новой области психологии – библиопсихологии, во введении в книговедческие исследования изучения психологии читателя, особенностей его восприятия книги, формирования субъективных личностных смыслов. Тем самым закладывались опорные точки разработки целого спектра перспективных направлений психологических исследований в области речевого общения, чтения, личностного смысла, информационного взаимодействия, пропаганды и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев А.А. О Н.А. Рубакине // Н.А. Рубакин. Психология читателя и книги. М., 1977. С. 3–5.
2. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М., 1977.
3. Рубинштейн М.М. Психология читательских интересов. М., 1950.
4. Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина // Н.А. Рубакин. Психология читателя и книги. М., 1977. С. 6–15.
5. Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям / Сост. Высоцкая З.Г. М., 1995.

N.A. RUBAKIN AS AN OUTSTANDING RUSSIAN EDUCATOR AND FOUNDER OF BIBLIOPSYCHOLOGY

V. A. Koltsova

Cand. sci. (psychology), head of the lab. of history of psychology and historical psychology, IP RAS, Moscow

The works of famous Russian scientist, public figure, educator and founder of bibliopsychology are considered. The locus and the object of his studies is a reader, person assimilated the spiritual valuables of culture in the process of reading. Rubakin appeals to an individual world of the person, peculiarities of his perception, his personal senses which are formed in the process of assimilation of the system of meanings.

Key words: bibliopsychology, psychology of reading, reader and author, psychology of book business.